

Романъ о голубомъ цвѣткѣ.

Новалисъ. „Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ“, пер. Э. Венгеровой и Василія Гиппіуса (стихи). Москва. Изд. Некрасова. 1914 г. Стр. XLIV+201.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій романтикъ, кн. Вл. Одоевскій, охваченный порывомъ любви и благодарности къ озарившему его свѣту религіознаго пониманія жизни, писалъ въ ненапечатанной статьѣ: „Зарождается новый міръ, изъ котораго заблิสаетъ свѣтъ невечерній... Страна древнихъ Тевтоновъ! страна возвышенныхъ помысловъ! къ тебѣ обращаю благоговѣйный взоръ мой!“ Въ наши дни далекими и непонятными кажутся эти восторженные слова. „Свѣтъ невечерній“ уже не озаряетъ, какъ прежде, „страну древнихъ Тевтоновъ“. Новое матеріалистическое пониманіе жизни, преклоненіе передъ непроедѣнной силой, личной и государственной, передъ грубой и напряженной человѣческой волей, навязывающей цѣлому міру законы „во имя свое“,—этой культурой сегодняшняго дня сметены ростки болѣе нѣжной и тонкой жизни, совѣстливой, глубокой, раскрытой передъ Богомъ. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка въ Германіи были эпохой развитія личной культуры, эпохой углубленія и раскрытія человѣческой личности. При внѣшнемъ политическомъ безсиліи, при отсутствіи широкой и шумной общественной жизни въ маленькихъ захолустныхъ городахъ, отдаленно напоминающихъ средневѣковье, окруженныхъ садами и лѣсистыми склонами горъ, существовала жизнь полная и счастливая, совершались величайшія боренья души, въ формахъ быта, которыя намъ кажутся бѣдными и провинціальными, но въ которыхъ былъ залогъ тишины и спокойствія, необходимыхъ для медленнаго и органическаго душевнаго роста. Быть можетъ, наше чувство, воспитанное на социальныхъ интересахъ XIX вѣка, хотѣло бы не только этого внутренняго озаренія, при бѣдности и неразвитости внѣшнихъ формъ жизни, хотѣло бы просвѣтлѣнья всей жизни этимъ внутреннимъ свѣтомъ и полнаго ея преображенія. Но мы должны хранить съ любовью памятники жизни этой недавней эпохи, завѣщанные и нашимъ днямъ, и намъ са-

нимъ; другіе народы призваны осуществлять завѣты романтизма, отъ которыхъ отрекся теперь нѣмецкій народъ; и не были ли они, въ свое время, у насъ великимъ возбудителемъ жизни, не только для Вл. Одоевскаго, слова котораго мы привели, но и для Тютчева, для Бѣлинскаго, для разныхъ славянофиловъ, для цѣлой полосы русскаго мистическаго идеализма, значеніе которой мы начинаемъ сознавать только теперь. Поэтому надо привѣтствовать начинаніе издательства Некрасова, недавно выпустившаго въ свѣтъ русскій переводъ романа Новалиса „Генрихъ фонъ Офтердингенъ“. Въ болѣе спокойные дни переводъ романа о голубомъ цвѣткѣ, этого „Евангелія романтизма“, былъ бы литературнымъ событіемъ, достойнымъ всеобщаго вниманія.

Всякое великое культурно-историческое движеніе имѣетъ своихъ святыхъ: Новалисъ принадлежитъ къ тѣмъ символическимъ именамъ, въ образѣ которыхъ воплощается судьба цѣлой эпохи духовной жизни человѣчества. Какъ знаменіе, привѣтствовали первые романтики его короткую жизнь и раннюю смерть: жизнь Новалиса постепенно превратилась въ романтическую легенду. Но сквозь черты романческаго образа сквозятъ земныя черты, болѣе простыя, питимныя, болѣе близкія намъ. Эти черты дѣлаютъ Новалиса еще интереснѣе, чѣмъ кажется намъ его житіе въ романтическомъ просвѣтлѣніи.

Немногіе знаютъ, что Новалисъ (Фридрихъ фонъ Гарденбергъ) былъ веселымъ, жизнерадостнымъ юношей, любившимъ жизнь и умѣвшимъ ею наслаждаться. Не всегда упоминаютъ о томъ, что онъ мечталъ сдѣлаться хорошимъ семьяниномъ и говорилъ, что „романъ его жизни завершится въ дѣтской“; что къ мелкимъ и скучнымъ явленіямъ повседневной жизни онъ умѣлъ подходить съ уваженіемъ и вниманіемъ и просвѣтлять всякій трудъ земной пониманіемъ и любовью. Онъ не былъ фантазеромъ, оторваннымъ отъ жизни мечтателемъ: среди людей своего круга—дворянъ-помѣщиковъ, на службѣ—чиновникомъ горнаго департамента, онъ могъ бы въ незамѣтную, простую, провинціальную жизнь внести то религиозное освѣщеніе, которое дѣлаетъ эту жизнь безконечно содержательной и значительной. Онъ обладалъ дѣйствительно тѣмъ „сокровищемъ смиренности“, за которое полюбилъ его Метерлинкъ, другой поэтъ, понимавшій, какъ Новалисъ, что „высшій міръ ближе къ намъ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ; мы уже здѣсь живемъ въ немъ и видимъ его тѣсно переплетеннымъ съ земной природой“.

Любовь Новалиса къ его маленькой невѣстѣ, Софін фонъ Кюнъ, была расцвѣтомъ его юношескихъ жизненныхъ силъ, той непосредственной радости существованія, которая отличала его какъ юношу. Только съ ея болѣзненно начинается въ душѣ его тяжелый переломъ. Когда Софья умерла, едва достигнувъ возраста пятнадцати лѣтъ, Новалисъ болѣзненно отрывается отъ жизни. „Я такъ любилъ эту землю,—пишетъ

онъ въ одномъ письмѣ,—я радовался отъ души тѣмъ милымъ сценамъ, которыя мнѣ предстояли“. „Мнѣ будетъ тяжело оторваться отъ этого міра, который я изучалъ съ такой любовью... но я знаю, есть въ человѣкѣ сила, которая, при внимательномъ уходѣ, можетъ достигнуть удивительнаго напряженія“.

Такъ, въ непрерывномъ созерцаніи страданія, вырастаетъ душа Новалиса. И онъ побѣждаетъ страданіе и страхъ смертный; въ немъ пробуждается дѣтская вѣра, такая сильная во всей его семьѣ; міръ, куда ушла Софья, становится міромъ блаженнымъ и единственно желаннымъ; свободная воля поэта разорветъ оковы „злой жизни“; свиданіе недалеко; Новалисъ хочетъ умереть, но не насильно, а однимъ лишь напряженіемъ воли, тоскующей по иному міру, „радостно, какъ молодой поэтъ“. Этой вѣрѣ онъ принесетъ себя въ жертву, чтобы добровольной смертью свидѣтельствовать о ней: „Христосъ и Софія“, этими дорогими именами онъ побѣдитъ жизнь.

Въ дни, послѣдовавшіе за борьбой со страданіемъ и смертью, подошедшими совѣмъ близко, вплотную къ самому существу поэта, зародились его „Гимны къ Ночи“, единственное законченное произведеніе Новалиса. Безконечный міръ, всегда существовавшій, зовущій къ себѣ поэта—это ночь; тамъ—его возлюбленная; поэтъ отказывается отъ міра дневного, отъ суеты земной ради другого, болѣе реального существованья; въ вѣчное царство ночи ведетъ любовь. „Безконечно и таинственно охватываетъ насъ сладкая дрожь. И кажется, изъ глубокой дали прозвучало нашей грусти отвѣтное эхо“. „Слава Богу! наступаютъ сумерки для всѣхъ любящихъ и тоскующихъ“. Ночныя стихотворенія Тютчева сложились подъ влияніемъ „Гимновъ“ Новалиса.

Не безформенно и отвлеченно чувствуетъ Новалисъ міры иные, царство безконечной ночи, противоположное суетѣ дневной. Въ немъ живетъ подлинная религіозная вѣра; міръ безконечный воплощается въ образѣ личнаго Бога; Христосъ побѣдилъ жизнь и съ нею смерть и указалъ путь къ жизни вѣчной. „Духовные стихи“ Новалиса одушевлены живой и личной вѣрой въ Христа и Богоматерь; въ немъ возродилась острота личнаго религіознаго чувства его предковъ, гернгутеровъ и піэтистовъ; Христосъ—утѣшитель въ страданіи и горѣ, Христосъ—пзбавитель отъ муки смертной, приносящій счастье и любовь вѣрующей душѣ, измученной бременемъ жизни,—вотъ содержаніе этихъ стиховъ образующихъ по своему душевному настроенію религіозную параллель къ „Гимнамъ“ и вошедшихъ впоследствии во многіе протестантскіе молитвенники.

„Гимны къ Ночи“ являются самымъ послѣдовательнымъ шагомъ Новалиса въ сторону отрицанія жизни. Проходитъ нѣсколько времени, и его горячее религіозное чувство, побѣдившее страданіе и смерть въ зем

ной жизни, снова возвращается къ этому земному существованію: просвѣтленную свѣтомъ нездѣшнимъ получаетъ онъ жизнь изъ рукъ Божьихъ. Это завоеваніе жизни именовъ Божьимъ, преклоненіе передъ святостью жизни, передъ ея высокимъ религіознымъ смысломъ свойственно Новалису-романтику въ послѣдніе годы его поэтической дѣятельности. Въ эти годы онъ становится выразителемъ новаго религіознаго чувства, охватившаго романтиковъ, живого мистическаго чувства присутствія Бога во всей жизни. Жизнь земная—это хлѣбъ и вино вѣчной жизни, это міровая трапеза любви, трапеза причастія. „О, пусть зардѣетъ міровое море, и въ душистую плоть растворятся скалы!“ „Никогда не кончается сладостная трапеза, никогда не утоляется любовь... Такъ длится наслажденіе отъ вѣка и до вѣка“ („Гимнъ“).

„Фрагменты“ Новалиса и наброски его неоконченнаго романа „Ученики въ Саисѣ“ заключаютъ въ себѣ результаты его философской и поэтической работы. Онъ изучаетъ естественныя науки подъ руководствомъ проф. Вернера, онъ увлекается натурфилософіей и, независимо отъ Шеллинга, развиваетъ мысль объ одушевленности всей природы, о томъ, что природа—только форма духа, символъ дѣйствія духовныхъ силъ, единый цѣлостный живой организмъ или плоть Божья. Все въ природѣ едино, все соединено, отдаленныя соотвѣтствія проходятъ черезъ все строеніе мірозданья; человѣкъ сознаетъ эти соотвѣтствія; онъ чувствуетъ въ себѣ тѣ же силы, которыя одушевляютъ природу; проникшись и овладѣвъ ими, онъ можетъ всю природу подчинить божественной власти. Тогда онъ становится пророкомъ, волшебникомъ, магомъ; тогда физическій міръ будетъ вынужденъ служить ему, потому что въ немъ будетъ сила Божья. Такимъ магомъ, по преимуществу, является поэтъ: настоящій поэтъ воспринимаетъ безконечное въ жизни природы и выражаетъ свое мистическое знаніе въ словесныхъ образахъ. „Поэзія истинно реальна. Чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ ближе къ правдѣ“. Эти слова Новалиса считаетъ основными въ своей философіи, въ своемъ „магическомъ идеализмѣ“.

Свое отношеніе къ жизни романтики мечтали выразить въ одномъ всеобъемлющемъ поэтическомъ произведеніи, въ „универсальномъ романѣ“, который захватывалъ бы всю жизнь, во всемъ ея многообразіи, и былъ бы одновременно произведеніемъ религіозно-философскимъ и художественнымъ. Образцомъ универсальнаго романа служилъ „Вильгельмъ Мейстеръ“ Гёте: здѣсь была захвачена вся полнота культурной жизни, и она отражалась въ развитіи, въ воспитаніи человѣческой личности, личности поэта и художника. Жизнь—какъ путешествіе, какъ путь къ познанію міра или, что то же, къ самопознанію, которое приводитъ къ пониманію міра и примиренію съ жизнью—такова художественная задача „Вильгельма Мейстера“. Романтики заимствуютъ у

Гёте эту схему путешествія поэта-художника, характерную для „воспитательнаго романа“. Но душевное содержаніе гётевскаго „Мейстера“ кажется Новалису неприемлемымъ; примиреніе героя этого романа съ жизнью представляется ему слишкомъ дешевымъ; романъ завершается отказомъ отъ поэтическихъ стремленій, обнаруженіемъ ихъ отвлеченности и нежизненности и подчиненіемъ прозѣ обыденнаго существованія. „Это сатира противъ поэзіи и религіи... Все романтическое въ немъ погибаетъ, также поэзія природы и чудесное. Въ немъ говорится только объ обыденныхъ человѣческихъ предметахъ, совершенно забыты природа и мистицизмъ“. Форма гётевскаго романа должна приладиться къ чувству жизни романтика. Его грезы о божественности міра, о грядущемъ Царствѣ Божьемъ должны видоизмѣнить, расширить грани этой „повѣсти изъ домашней и буржуазной жизни“. „Романъ долженъ насквозь быть пропитаннымъ поэзіей“. Чтобы выразить свое воспріятіе жизни, которое во всемъ конечномъ видитъ свѣтлое чудо и божественный смыслъ, Новалисъ подчиняетъ романъ художественному канону сказки. „Сказка это какъ бы канонъ поэзіи. Все поэтичное должно быть сказочнымъ... Въ настоящей сказкѣ все должно быть чудеснымъ, таинственнымъ и безсвязнымъ; все должно быть полно жизни—каждое по-своему. Вся природа должна смѣшиваться чудеснымъ образомъ съ міромъ духовъ; вѣкъ всеобщей анархіи, беззаконіе, это „природное состояніе“ природы, время до сотворенія мірового порядка. Это время до сотворенія міра даетъ намъ какъ бы отдѣльныя черты времени послѣ міра, какъ природное состояніе является образомъ Царства Божья“.

Романъ-сказка, универсальный романтическій романъ, отражающій отдѣльныя черты міра, просвѣтленнаго мистическимъ чувствомъ, надъ изображеніемъ котораго носится вѣра и мечта о грядущемъ Царствѣ Духа Святаго—такова философская и художественная концепція „Генриха фонъ Офтердингена“. По внѣшнему плану, какъ и „Вильгельмъ Мейстеръ“, это романъ воспитательный, рассказывающій о путешествіи молодого поэта, средневѣковаго миннезингера Офтердингена, о жизненныхъ встрѣчахъ, раскрывающихъ ему смыслъ поэтическаго призванія, о его любви и смерти любимой дѣвушки и о конечномъ просвѣтлѣніи души его, нашедшей свой истинный путь. По направленію своему, романъ стремится къ универсальности, онъ хочетъ охватить всю жизнь и запечатлѣть ея ходъ въ рядѣ символическихъ образовъ. Поэзія востока, въ образѣ „восточной дѣвушки“, война и Крестовые походы, любовное изученіе природы (старый рудокопъ) и исторіи (отшельникъ), веселая жизнь богатаго города, радость пира и волнующихъ застольных пѣсенъ, изученіе поэзіи и воспитаніе любовью—таково содержаніе первой части, къ которой, во второй части, должны были присоединиться образы болѣе широкой исторической жизни (*die grosse Welt*),

дворъ императора, путешествіе въ Святую Землю и состязаніе пѣвцовъ. „Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, какъ бы отодвигало въ немъ новые засовы и раскрывало новыя окна“. Познаніе міра, какъ самопознаніе— вотъ старая схема, заимствованная у гётевскаго романа. Но за этой схемой открывается новое душевное содержаніе.

Генрихъ—поэтъ. Это „Мессія природы“. Его путь, его годы ученія, это святое паломничество, это путь освободителя природы къ великой цѣли, къ Царству Божью. Дѣйствительность переплетается съ образами снова и видѣній. Сномъ о голубомъ Цвѣткѣ, завѣтномъ цвѣткѣ романтической тайны міра, начинается романъ, и на всемъ его протяженіи „цвѣтокъ его души мелькалъ передъ нимъ временами, какъ зарница“. Какъ пророчества, врываются въ романъ рассказы купцовъ о золотомъ вѣкѣ поэзіи, о счастливой Атлантидѣ и сказка Клиннурора о грядущемъ спасеніи міра. Они повѣствуютъ о томъ, что были прежде счастливыя времена, когда звѣзды, и цвѣты, и звѣри, и люди, и всѣ существа, наполняющія міръ, жили въ согласіи и любви, о томъ, какъ человѣкъ оторвался отъ вселенскаго единства и противопоставилъ свою волю волѣ Божьей, какъ наступили въ мірѣ вражда и раздѣленіе, и какъ вернется снова золотой вѣкъ, вѣчная весна и свѣтлое обновленіе природы, и что приведетъ его поэтъ, спаситель или Мессія природы. Въ образѣ Генриха соединяются эти двѣ стороны романа, реальная и мистическая, и всего напряженнѣе ихъ сліяніе въ описаніи его любви. Любовь открываетъ Генриху его призваніе; въ ней открывается ему и религиозная тайна міра. „Ты святая,—говоритъ Генрихъ Матильдѣ,—которая возноситъ мои желанія къ Богу; въ тебѣ Онъ является мнѣ, въ тебѣ Онъ показываетъ мнѣ свою полноту любви.. Твоя любовь поведетъ меня въ святилище жизни, въ святая святыхъ духа.. Какъ знать, не превратится ли наша любовь въ пламенные крылья, которыя поднимутъ насъ и понесутъ на нашу небесную родину, прежде чѣмъ смерть достигнетъ насъ... Да, Матильда, высшій міръ ближе къ намъ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, мы уже здѣсь живемъ въ немъ и видимъ его тѣсно переплетеннымъ съ земной природой“.

Смерть Матильды завершаетъ собой первую часть романа, озаглавленную „Ожиданіе“. Черезъ побѣду надъ страданіемъ и смертью поэтъ ведетъ своего героя къ тому просвѣтленію, которое сдѣлаетъ возможнымъ, во второй части, „Исполненіе“, его роли спасителя, ведущаго къ грядущему Царству Духа Святого. Начальныя страницы этой второй части—единственное, что успѣлъ написать Новалисъ—принадлежать къ лучшему, что было создано имъ. Новалисъ не тѣмъ однимъ величайшій поэтъ романтизма, что въ своей жизни и въ творчествѣ онъ воплотилъ его самыя напряженныя, „предѣльныя“ идеи, но тѣмъ еще, что единственный среди первыхъ романтиковъ онъ обладалъ великимъ художе-

ственнымъ дарованіемъ. Заставить за сочетаніемъ простыхъ словъ и нѣжныхъ, прозрачныхъ, интимныхъ образовъ почувствовать таинственную мистическую даль, просвѣтъ въ голубое небо, которое въ его романѣ распространяется повсюду, такъ что отовсюду видимъ далекую цѣль, и „какъ зарница“, свѣтитъ голубой цвѣтокъ—выполнить эту задачу во всѣхъ ея художественныхъ деталяхъ могъ только великій, творчески одаренный поэтъ. Именно въ началѣ второй части, въ описаніи одинокаго путника, покидающаго городъ, гдѣ умерла его возлюбленная, и уходящаго въ лѣса и горы, гдѣ звучатъ чудные ангельскіе голоса, гдѣ оживаютъ воспоминанія, и расцвѣтаетъ вѣра въ неложное обѣтованіе, и чудесное такъ просто соединяется съ земнымъ, поэзія Новалиса создала лучшее, что мы имѣемъ въ нѣмецкомъ романтизмѣ.

Новалисъ умеръ, не окончивъ своего романа. Но окончить его было, по самому существу дѣла, выше человѣческихъ силъ. Попытка изобразить конечныя судьбы мірозданія, его мистическую исторію, отраженную въ исторіи человѣческой личности, поскольку образы поэта претендуютъ на объективную значительность, это едва ли не та задача созданія новой мифологіи, о которой мечталъ Фр. Шлегель, задача религіознаго мифотворчества, въ которомъ поэтическое творчество переходитъ въ религіозное. Только эпоха личной душевной культуры могла поставить въ области религіозной жизни такую невыполнимую, нечеловѣческую задачу. Но отрывокъ романа Новалиса остается до сихъ поръ самымъ значительнымъ произведеніемъ романтической мистики. „Быть можетъ, читателей тронетъ отрывочность этихъ стиховъ и словъ,—такъ говорить о немъ Тикъ,—какъ она трогаетъ меня, который не могъ бы съ болѣе благоговѣйной грустью глядѣть на остатокъ разрушенной картины Рафаэля или Корреджіо“.

Намъ остается еще разъ привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ романа о голубомъ цвѣткѣ. Переводъ выполненъ съ большою тщательностью, и книга издана хорошо—за это ручается уже одно имя издательства Некрасова. Особенно удаченъ поэтическій переводъ стиховъ Новалиса, сдѣланный молодымъ поэтомъ, Василиемъ Гиппіусъ. Талантливый переводчикъ, въ собственныхъ стихахъ своихъ столь многимъ обязанный вліянію Новалиса, воспроизвелъ нѣмецкаго поэта съ такой силой творческаго пониманія, что нѣкоторыя мѣста перевода должны считаться прямо образцовыми. Въ такихъ случаяхъ интуитивное проникновеніе во всѣ особенности словесно-художественной формы и воспроизведеніе ихъ необходимымъ образомъ соединяется съ „близостью къ тексту“. Приведу въ примѣръ пѣсню пустытника:

„Смѣйся ночью голубую,
Милыхъ дольнихъ узъ не рви.
Каждый день передъ тобою

Чаша полная любви.
 Брызги, Божья влага, брызги,
 Въ небо вознеси мой взглядъ.
 Опьяненный, въ этой жизни
 Я стою у райскихъ вратъ.
 Въ сладкой ласкѣ улетаю,
 Духъ мой не боится зла.
 Миѣ Царица жень святая
 Сердце вѣрное дала.
 Скорбью долгой и унылой
 Прахъ мой бѣдный просвѣтленъ.
 Въ немъ сияеть образъ милый.
 Вѣчность обѣщаетъ онъ.
 Какъ мгновенье, какъ мечтаье,—
 Этихъ дней несчетный рядъ,
 Но взгляну я въ день прощанья
 Съ благодарностью назадъ“.

Прозаическая часть перевода, принадлежащая перу З. А. Венгеровой, тоже очень удачна. Нельзя, однако, не отмѣтить, что, при всей точности прозаическаго перевода, онъ не воспроизводитъ по-русски всѣхъ особенностей романтической прозы Новалиса, ея своеобразнаго запаха и стили. Задача такого воспроизведенія представляется намъ очень легкой. Въ то время какъ самъ Новалисъ воспитывалъ свое чувство стили на мелодически-уравновѣшенной поэтической прозѣ гётевскаго „Мейстера“, углубляя ея впечатлѣнне поэзіей намековъ и мистическихъ „настроеній“, русская *романтическая проза* не создала своей традиціи, своей унаслѣдованной словесной техники—если не считать начатковъ таковой въ забытыхъ произведеніяхъ кн. Вл. Одоевскаго и въ нѣкоторыхъ раннихъ разсказахъ Тургенева.

В. Жирмунскій.